

Или попробуйте разыскать на Ваганьковском кладбище могилы Юрия Тынянова, Сергея Городец-кого, конструктора ракетной техники академика

«О Москве с надеждой и любовью» — так назывался очерк Юрия Нагибина, опубликованный в нашей газете без малого год назад. Название очерка родило название рубрики. Тема Москвы стала одной из заметных на наших страницах, она вызывает горячий отклик читателей. Сегодня писатель вновь обращается к раздумьям о московской жизни, о московских делах и проблемах.

ЭТО НЕ ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ, даже предварительных. Ведь и года не прошло с тех пор, как завязался большой, можно смело сказать, резкий, нелюбимый разговор о судьбе нашего великого города.

Год — это и много, и мало в короткой и нетерпеливой человеческой жизни. Впрочем, уходящий год был для нас необыкновенно значительным, это великий, революционный год, который отбросит свой свет далеко, далеко вперед, и мерить его надо особой меркой.

Когда говоришь о Москве, следует помнить обо всем, чем наполнен был минувший год, ибо нельзя изолировать столицу от общей судьбы Родины. нельзя решать ее проблемы в отрыве от общенародных проблем, вне единого потока исторической жизни, из которого не выпрыгнешь, как бы предусмотрителен и проницателен ты ни был.

Самое отрадное для автора очерка «О Москве с надеждой и любовью» и для тех, кто разделял его чувство, — это необыкновенно дружный, горячий, да что там — раскаленный отклик тысяч и тысяч читательских сердец на тревогу о Москве.

Я заблуждался, когда обвинял москвичей в равнодушии к своему городу, утрате московского патриотизма, той преданности месту, что так радует в ленинградцах. Нет, не остыло чувство столичных жителей к родному городу — это видно по откликам, которых я и редакция получили множество. Замечательно, что среди откликнувшихся были не только москвичи, а жители самых далеких окраин Родины: Владивостока, Камчатки, Сахалина, Памира, Крайнего Севера, многие из которых никогда не бывали в столице и неизвестно, будут ли. Но ведь Москва принадлежит не только москвичам, она — общее достояние.

Было и еще одно в этих дружных откликах, особенно часто встречающееся в письмах из старых русских и украинских городов и маленьких, не всегда помеченных «на карте генеральной» «городков округ столицей»: боль за уничтожаемую красоту прошлого нашей земли, ее исторические памятники, прекрасные творения старинного зодчества.

Впрочем, стоит ли удаляться от Москвы? По прямому указанию начальника ПЖРО Свердловского района Москвы А. Гриндева был снесен упомянутый в очерке историко-мемориальный памятник «Дом Щепкина» (ул. Ермоловой, д. 16), находившийся под охраной государства. Общество по охране памятников обратилось в прокуратуру с просьбой привлечь Гриндева к уголовной ответственности. Великолепен ответ прокурора Свердловского района А. Баженова, не усмотревшего в этой акции «состава уголовно-наказуемого деяния», ибо «Гриндев не знал, что дом по улице Ермоловой, 16, является памятником, и узнал об этом лишь после сноса». По поводу «Дома Щепкина» без конца писали и говорили, но, видимо, А. Гриндев газет не читает, телевизора не смотрит, радио не слушает и не может отличить старинное здание от барака. Ведь даже «по незнанию» могут махнуть Кутафеву башню, Усуповские палаты, дом Пашкова, благо есть такие защитники разрушителей, как младший советник юстиции А. Баженов!

Однако зачем предположения, когда есть факты. Вот далеко не полный список утрат в столице.

Дом № 25 по улице Гиляровского разобран на основании решения исполкома Моссовета с последующим восстановлением. Материал разобранного дома и элементы архитектурно-художественного убранства утрачены. Дом, естественно, не восстановлен.

Дом № 3 в Оружейном переулке (дом Плещеева) разобран с условием последующего восстановления. Материал разобранного дома утрачен. Сохранилась мемориальная доска этого дома (находится в Ленинском районном отделении ВООПИК).

Усадебный дом Остермана-Толстого с двумя флигелями по Самарскому переулку. Разобран с условием последующего восстановления. Бревна и архитектурные детали (лепнина, изразцовые печи, белокаменные блоки подвалов) были замаркированы и после демонтажа складированы в различных местах. В настоящее время конструкции дома, сваленные на одной из хозяйственных площадок в районе Сельскохозяйственной улицы, никем не охраняемые и не укрытые от осадков, превратились в труху. Восстановление усадьбы, намеченное на XI пятилетку, не осуществлено.

Дом Фета по улице Плещеева, 38, разобран с условием последующего восстановления. Материал разобранного дома утрачен. Сохранилась мемориальная доска этого дома (находится в Ленинском районном отделении ВООПИК).

Дом Белинского по Рахмановскому переулку, 4. Разобран с последующим восстановлением. Отчаявшись в этом, Центральный совет ВООПИК в порыве слабости внес предложение поставить на пустыре памятный знак с надписью, напоминающей о снесенном доме... А вдруг и впрямь пойдет по такому пути!..

Еще об одном московском безобразии скажу несколько подробнее. Наверное, всем в зубах навязали разговоры о могиле героев Куликовской битвы Пересвета и Ослябя. Было правительственное решение о сбережении бесценного памятника русской славы, находящегося на терри-

тории завода «Динамо». Москвичи вздохнули свободно, полагая, что такое решение гарантирует сохранность мемориала. Ничего подобного: над памятником вновь нависла угроза. Завод собирается ставить новый цех и непременно в недопустимой близости от церкви, приютившей могилы героев.

А как же правительственное решение? И где ГлавАПУ — неужели оно опять — в который раз! — не встанет на защиту дорогого для сердца каждого москвича уголка?

ГОРЬКО, что я не могу прервать эту грустную тему рассказом о каком-нибудь спасенном от разрушения прекрасном старинном здании и о радости моих земляков. Как трогательно умеют радоваться москвичи каждой доброй малости, когда речь идет о нашем городе! С полгода назад двум улицам и одной станции метро вернули прежние названия: «Метростроевская» стала вновь «Остоженкой», «Фрунзенский вал» — «Хамовническим», а метро «Лермонтовская» — «Красными воротами». Кстати, выдающийся зодчий, академик Фомин специально использовал красный мрамор для отделки вестибюля построенной им станции, чтобы цвет материала соответствовал названию старинного московского места. Но до этого не было никакого дела «реформаторам», сделавшим Лермонтову подарок, в котором тот вовсе не нуждался. Зачем творцу «Демона» станция метро?

Москвичи радовались возвращению старых названий так, словно каждый получил по лампе Аладина и ковру-самолету. Люди поздравляли друг друга с праздником, в глазах стояли слезы. И это легко понять — всеми владело чувство наконец-то восторжествовавшей справедливости.

Но, к сожалению, праздник на том и кончился. Тщетно ждали москвичи, что другим старым улицам вернут их исконные названия, что опять будет Мясницкая, восхитившая Пушкина, благо параллельно ей возник новый проспект, и Zubовская площадь, главная победой князя Пожарского над захватчиками. И ведь автор памятника Шолохову обратился через печать к городским властям с просьбой отвести монументу другое место, и просьба совестиливого художника, уверенного, что площади вернут ее старое имя, была удовлетворена. Так за чем же дело стало?..

Говорят: слишком это неспросто и накладно — менять названия, и дощечки новые надо заказывать, и корректировать московские справочники. Но ведь те же расходы и хлопоты сопровождают переименование старых улиц, и это никогда никого не останавливало. Значит, опять равнодушие, лень, ввязавшее в кровь пренебрежение к мнению граждан, и в этой трясине вяжут энергию, добрая воля новых руководителей столицы.

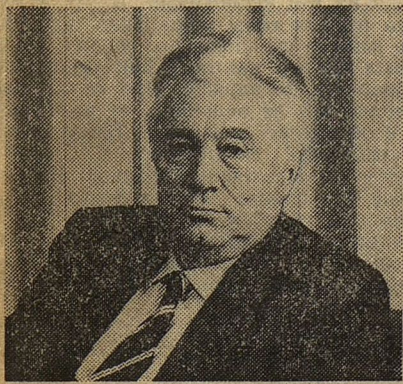
И все-таки москвичей постигла огромная радость, пусть в основе ее не созидание, а пресечение. Но иногда такая акция стоит любого жидительства. Я имел в виду отказ от помпезного, холодного монумента Победы на полуничтоженной ради него Поклонной горе, которая сама по себе — естественный и бесценный мемориал. Здесь тщетно ждал Наполеон ключей от Москвы, здесь прекратился счет его победам.

Удивительное, но и обычное дело. Как только стало известно, что общественность Москвы, да и всей страны, яростно протестует против памятника, явные работы на Поклонной горе нездорово оживились: подъемные краны, напоминавшие уснувших жирафов, вдруг разом ожили и завертели во все стороны своими длинными шеями, забегали самосвалы и мотульки КамАЗы, а железные челюсти бульдозеров яростно впились в истерзанное тело многострадального холма. По случаю, эта активность была скоро прекращена. Все затихло, замерло, уснуло, пока не будет рассмотрен и принят всем народом проект, достойный бессмертного подвига. Будем надеяться, что благотворные художественные изменения коснутся и архитектуры ансамбля, здание музея рождает противоречивые оценки.

Всякий раз, когда над сомнительным, а то и губительным вредным замыслом нависает угроза прекращения, его приверженцы включают высшую скорость. А вот добрые дела продаются медленно. Сколько уже лет реставрируется и перестраивается старое здание МХАТа, но оказывается, «не будь в октябре прошлого года своего распоряжения» о завершении работ по МХАТу неизвестно, как бы разворачивались события» (из газет). Вот это да! А разве в приказе о начале строительства не был указан и срок его завершения? Был, конечно, но без подпункта в виде «своевременного распоряжения» нечего было и думать об окончании работ. Не применит ли этот чудотворный метод к другим сокровищам отечественной культуры, пребывающим в забвении?

Так все тяжело идет у нас, а ведь достаточно «своевременно распорядиться»...

Нежданно-негаданно болевой точкой Москвы стало метро, о котором мы привыкли думать, как о лучшем в мире. Несомненно, когда-то оно таким и было, но нельзя жить на проценты от минувшей славы. Тревожный сигнал прозвучал давно, катастрофой на «Авиамоторной». Но в ту пору все достижения — нередко мнимые — безу-

Юрий Нагибин

ПРОБУЖДЕНИЕ

держно раздувались, а недостатки, пороки... нет, не преуменьшались даже, их просто не замечали. И ни для кого не было секретом, что эскалатор развалился, потому что станцию торопились сдать к какому-то празднику. Кому это было нужно? Москвичам? Они могли бы и подождать, чего-чего, а терпения у нас хватает. Нет, это строительское начальство играло в свои игры. Подобная порочная практика применялась повсеместно, и никому даже в голову не приходило подвергнуть ее сомнению. Так же сдавались жилые дома: без лестниц и уборных, но непременно к праздникам. Привыкли все делать напоказ. Для рапорта и наград.

Сейчас метро работает откровенно плохо. Оно не справляется с потоком пассажиров, случаются перебои в движении, мелкие аварии перестали удивлять, запаздывает ввод новых линий. А недавно обнаружился еще один порок «лучшего в мире». Штольни метро, проходящие в большей своей части на значительной глубине, приближены к поверхности земли там, где расположены ценнейшие строения Москвы: Ленинская библиотека, включая жемчужину столицы, творение гениального Баженова — дом Пашкова, а также Музей имени А. С. Пушкина, созданный высоким фанатизмом профессора Цветаева. И башня Кутафья оказалась в опасной зоне, и весь старый Арбат. Ленинская библиотека так дрожит и содрогается от движения поездов, что, находясь там, не слышишь собственного сердца.

И НЕ ЗНАЛА БЫ МОСКВА всех этих бед, если б обращались к крепкому и охватистому народному уму. Его просто исключили из местных и ведомственных расчетов, а к чему это привело, мы видим сегодня.

Но меня, по правде, угнетает другое: многие люди, еще обремененные властью принимать решения и уж подавно мешать движению вперед, вовсе не играют в прозрение, а тем паче в раскаяние, а посмеиваются над теми, кто верит в серьезность перестройки, и не скрывают убежденности, что «словозвержение» кончится и все вернется на круги своя.

Да и как обойтись без слов, если у людей челюсти свело от молчания? Их надо, необходимо разговаривать, достучаться до их сердца. И неуклонно, неумолимо, с замечательной настойчивостью М. С. Горбачев на всех встречах с народом убеждает: говорите все, что думаете, говорите только правду, ничего не бойтесь, причитаетесь жить при демократии. Да, чтобы начать всерьез перестройку, надо было прежде всего нарушить немоту. Суесловие и славословия последних лет были формой мертвого безгласия.

Делающие вид, что все происходящее «лишь слова, слова, слова», — мол, пусть себе болтают в газетах, по радио, телевидению, на собраниях, главное, не обращая внимания, — на самом деле смертельно боятся этих слов и пользуются каждой возможностью, чтобы зажать людям рот.

Во всем новом видят они угрозу своему благополучию, им ненавистны всякие преобразования, они стараются забыть о последнем съезде партии. Они страшатся поворота к индивидуальной инициативе, ибо тогда еще заметнее станет их ненужность. Они думат критику, прикрывая свою самоохранительную трусость фальшивыми воплями о том, как мы будем выглядеть во вражеских глазах! Почему мы должны жить с постоянной оглядкой на западный мир, как бы чего о нас не подумали? Наши дела касаются только нас, а уважения заслуживают лишь гласность и свобода общественной совести. И сейчас мы стали куда сильнее, чем прежде. — и сами по себе, и в глазах других народов, ибо обрели гласность. Это главное завоевание минувшего года.

Конечно, я двумя руками за гласность, за правду вслух, за прямую, открытый разговор обо всем. Но недавно по телевидению шло долгое собеседование, произведшее на меня тяжелое впечатление. Десятка два человек обоего пола вели мучительный, исполненный и праведного гнева, и макиавеллиевой хитрости, изворотливости, и дыма слез, и горестно-саркастических улыбок, и высокого гражданского пафоса разговор. О чем? О жизни и смерти, о космосе и вечности, о войне и мире? Нет, о проросшей картошке, о гнилой капусте на овощных базах. Шекспировский накал страстей соседствовал с библейской печалью. Самое же поразительное: ведущий телевидения так и не смог добиться от торговых работников всех рангов прямого ответа, почему ка-

мьям. Не нужно только пугаться, что такая семья сразу выйдет в Рокфеллеры. Не выйдет: дай бог, успешно сведет концы с концами. Это исконная наша болезнь: не самому стремиться к чему-то лучшему, а следить, чтобы лучше не стало соседу. Пора бы от этого отвыкнуть.

Я не устану повторять, как истосковались люди по свободному общению. Никто не гонит, не сзывает людей в Битцевский лесопарк, что в районе Чертаново, а там в выходные дни припарковать негде. Здесь действует под открытым небом необычная выставка — каждый житель столицы, независимо от уровня профессиональной подготовки или вовсе без нее, может представить на обозрение сограждан «продукт» своего художественного творчества — картину, рисунок, скульптуру, аппликацию, вышивку, хоть глиняную кошку — дешевую рыночную отраду. Никаких отборочных комиссий. Но отбор — произвольный — происходит, и уродливые кошечки, равно и другая пошлость, исчезают, а доброкачественных вещей становится все больше. Как меняется время! Многие помнят, что первую несанкционированную художественную выставку «счистили» бульдозерами.

руководители Мосгорисполкома не очень-то прислушиваются к выступлениям москвичей в печати: сколько уже писали о Zubовской площади, а воз и ныне там. А когда, наконец, вернут городу красивое и поэтическое слово «Черемушки»?

В. ПРИБЫЛОВСКИЙ,
историк.

ИСТРА,
Московская область.

УВАЖЕНИЕ К ПАМЯТИ ПРЕДКОВ

Хочу сказать о памятниках, установленных на местах захоронения выдающихся представителей нашей истории и культуры. С ними далеко не все в порядке. Пример недостойного отношения к памяти исторических личностей, деятелей литературы и искусства, к сожалению, подает столица. Возьмем Новодевичье кладбище. Уже несколько лет оно закрыто для посетителей. Если, конечно, вы не принадлежите к «избранным» или не являетесь иностранным туристом.

Очевидно, Моссовет решил, что заокеанским и прочим «закордонным» гостям память о Чехове, Гоголе, Маяковском, Зое Космодемьянской, космо-

насте Беляеве, Федоре Шалапине, Велимире Хлебникове, Назыме Хинмете, академике Ландау, о многих многих других, о ком мы храним призральную память в сердцах своих, более дорога, чем «простым» москвичам и другим русским людям. Правильно писала об этом ваша газета 20 декабря 1986 года.

Правда, еще открыто Ваганьновское кладбище. Но когда везешь по нему гостей, зачастую краснеть и думать: уж лучше б и его закрыли. Мне довелось много ездить по стране, но нигде не видел более равнодушного отношения к памяти наших «духовных» предков, чем на этом кладбище.

По существу его территория превращена, простите, в городскую свалку. На перекрестках аллей под табличками «Здесь мусор не сваливать» непременно лежат прелая листва, засохшие цветы и венки. Периодически эти кучи поджигают, и тогда далеко разносится запах воцаренной бумаги и окисляющегося полихлорвинила. Все, что не может гореть, ржавеет отравой, безымянные обелиски и кресты с бесхозных могил, осколки мраморных надгробий, — вывозится на грузовиках...

А в каком ужасном состоянии находятся некоторые памятники! Накрепившиеся обелиски, стертаясь бронза надписей, заросшие травой цветники. И это на могилах людей, имена которых знамениты не только в нашей стране, но и во всем мире. Назову лишь могилы художников Сурикова, Саврасова, Пукирева, композитора Верстовского, революционера Николая Баумана, матроса Железняка...

Или попробуйте разыскать на Ваганьновском кладбище могилы Юрия Тыннова, Сергея Городецкого, конструктора ракетной техники академика Тихомирова... Ручаясь — не найдете! Ведь на плане кладбища обозначено только... 15 захоронений!

Мы зачастую ругаем молодежь за чрезмерное увлечение западной культурой. Но чему здесь удивляться, если мы порой столь равнодушны к памяти деятелей собственной культуры, к их святым могилам.

О. КОНЕВ,
инженер.

НЕ НУЖНО КРАЙНОСТЕЙ...

В последнее время в газетах и журналах стали появляться требования сохранить все и вся, что было построено и сделано в прежние время, объявляя это необходимостью сберечь своеобразный облик Москвы. Но представим себе только, что по требованию любителей старины Кузнецкий мост, который закопали наши предки, будет расплан и восстановлен. Раз будет мост, то должна быть и рена, придется нагнать из трубы выпускать. Ну а дальше что? Зеленые берега, деревянные хоромы, по вечерам хоромы девушек в красных сарафанах. А нынешней-то Москве куда деваться?

Да, знаю: не надо сносить памятников истории и культуры. Они стояли и должны стоять вечно. Но нельзя доводить дело до абсурда. Давайте говорить о другом: Москва строится уныло, скучно, без души, без любви. Давайте спросим заказчика, Моссовет, архитекторов и строителей: «Почему так получается, почему раньше строили лучше?» Сейчас о застройке Москвы пишут все, кроме архитекторов. Они молчат. ГлавАПУ упорно молчит. Надо полагать, ждет указаний, поскольку своего мнения по этому вопросу не имеет. Там своя точная зрения: «Мы, архитекторы, что портные — нам как закажут, так мы и сошьем».

Кстати, недавно вышла книга «М. В. Посохин» — о бывшем главном архитекторе Москвы. Книга роскошная, ни о Б. Бело, ни о Растрелли, ни о Баженове, ни о других подобных книгах не издавалось. Тогда почему все-таки Москва такой серой стала при главном архитекторе города, которому посвящают теперь великоленные книги?

Д. НОВИКОВ.

Фото А. Конькова, В. Будана (ТАСС)

Надо по всем вопросам — идет ли речь о восстановлении Сухаревой башни и Красных ворот, о переименованиях улиц и площадей или о создании пешеходных зон — советоваться с москвичами, вести открытый разговор о самых трудных проблемах. Теперь уже громко, освеженно зазвучали наши голоса, говорящие о том, что мы не желаем жить по-прежнему и что у нас хватит сил заладить другую, достойную, нарядную, богатую и духовно, и материально жизнь. И голос Москвы далеко не последний в великом народном хоре.